

Ли Цунцин, наконец, понял мысли императора, поэтому отправился домой.

Когда он запрыгнул в карету, слухи о нем и императоре вышли из-под контроля, они множились и распространялись подобно лесному пожару. Тот, кто не ведал о них, подвергался насмешкам, как незнающий веяний времени. Происходящие события породили реакцию в виде народного творчества:

Расцвел пион,

Его сорвали — радуется он.

О фея, в этот мир ты снизойди,

Долг благодарности ты оплати.

Хризантема расцвела,

Ее сорвали — радостна она.

О фея, куда уходишь ты?

Пион и хризантема расцвели,

Принц ждет,

Когда ты поспешишь прийти.

Завяли безымянные цветы,

Но так и не вернулась ты.

Текст был откровенным и грубым. В некоторой степени он вызывал у детей восторг. Когда он передавался из уст в уста, перелетая с улицы на улицу, каждый мог с легкостью продекламировать его, и маленькие дети невинно пели, а взрослые произносили со скрытым смыслом. В пределах Дашао из-за сексуального скандала императора и подчиненного стало очень оживленно. Весь народ, от верхушки до простолюдинов, были готовы перевернуть небеса. Помощник министра из Министерства обрядов так долго не возвращался, что все были встревожены больше, чем сам монарх, опасаясь, как бы он не бросил их великого, мудрого и блестящего императора.

— Третий брат, чем сильнее слухи о тебе и Ли Цунцине распространяются, тем больше их

становится. Настолько, что они стали еще более неразумными! — Сун Сюань приходил во дворец каждый день, чтобы сообщить о последних "достижениях" в области сплетен.

— Я знаю, — император, как и прежде, не проявлял бурной реакции.

— Ты все еще не хочешь забрать его?

— Подожду, пока он не придет в себя, он обязательно вернется.

— А если он не вернется?

— Он обязательно вернется, — уверенно сказал император. С тех пор, как шесть лет назад Ли Цунцин стал жить, как часть семьи Сун, он и после смерти станет духом семьи Сун. Независимо от того как далеко он ушел и как надолго, в конце концов, он все равно вернется: только здесь, можно считать, единственное место, к которому он принадлежит.

— Я действительно не могу понять, почему ты в первую очередь попросил его покинуть столицу.

— Я слишком долго позволял ему идти своим путем. Надеюсь, что на этот раз он сможет все четко обдумать.

На некоторое время Сун Сюань был потрясен услышанным. Внезапно он понял, что произошло. Он хорошенько вспомнил прошлое: в тот день император намеренно позволил Ли Цунцину спать в своем императорском кабинете, предоставив людям возможность увидеть, как он в интимной манере укрыл его своим желтым одеянием, а затем отправил его из столицы. Следом появились слухи, витающие повсюду, и так далее. Все было так, как ожидал император.

Вздых. Вероятно, напряжение было слишком велико, в конце концов, он больше не мог продолжать тайный роман с Ли Цунцином. Поэтому он нарушил тайну и вышел из затруднительного положения, заварив всю эту кашу и позволив их отношениям стать предметом разговоров в столице, чтобы вынудить Ли Цунцина признать их запретную связь.

— Третий брат... Ты испытываешь его? — осторожно спросил Сун Сюань.

— Он и я не нуждаемся в испытании.

— Тогда зачем...

Император лишь улыбнулся, не желая слишком много объяснять.

Сун Сюань не посмел спрашивать дальше, убеждая себя словами, сказанными им самим: "Если кто-то способен угадать мысли императора, то он сам может стать императором". Во всяком случае, у блистательного монарха все хорошо продумано. Все находилось под его контролем. Что бы он ни делал, у него были свои причины. Почему он должен сильно волноваться, когда сам император не волнуется?

Так сказать, император действительно не жалея сил старался для Ли Цунцина, надеясь, что они смогут продержаться, и потом станет только лучше, в противном случае, не стоит продолжать в том же духе.

— Однако, третий брат, ты слышал последнюю разошедшуюся среди людей в городе песню?

— Распустившийся цветок?

— Не только эта. Есть еще кое-что... кхм... непотребное.

— О, пусть споют, я послушаю.

— Действительно хочешь услышать?

— Не будет никакого вреда, если попробую.

Поэтому Сун Сюань позвал молодого евнуха, попросив его спеть. Молодой евнух пел робко и нервно:

— Заветный старший брат цветка, береги пион, собери цветочный долг. Мое тело нежное и неискушенное, не будь, как бык, жующий пион. Медленно разжигающиеся пламенем стебли и листья постоянно орошай водой, и тогда, естественно покоренный цветок прозреет душой. Прелестный цветок нужно сделать еще прекраснее поцелуем. Заветный старший брат цветка, нежно и сладко любя, приходи сорвать меня. (Адаптация народной песни "Чанчжи Ци" Фэн Мэнлуна*).

[П\п: *Фэн Мэнлун — драматург, эссеист и поэт поздней эпохи Мин, прежде всего известен как собиратель произведений народного творчества].

Затихающий и дрожащий голос пел эротические и любовные песни. Когда юный евнух закончил петь, Сун Сюань покраснел до ушей. Кто бы не смог узнать из песни, что "заветный брат цветка" и "пион" были метафорой императора и помощника министра обрядов.

Император сохранял хладнокровие, он был невозмутимым, как и прежде, и даже бровью не повел, только улыбка на его губах стала шире:

— Какое хорошее пение. Есть еще что-нибудь? Спой, я послушаю.

Юный евнух, услышав похвалу императора, был на седьмом небе от счастья и мужественно спел еще несколько песен. С каждой песней слова становились все смелее и смелее. В них говорилось: "Монарх и чиновник вместе каждую ночь наслаждаются прекрасным вечером", также "Очень тугой, теплый и влажный, какой любимый цветок на заднем дворе моего родного муженька?" — каждая песня намекала на сексуальные отношения императора и помощника министра обрядов. Непристойные песни с вызывающими текстами были фантастичны и могли спровоцировать кровотечение из носа.

Император нисколько не сердился, слушая песни, а, дослушав до конца, разразился смехом. Отбросив сдержанность, он без остановки хохотал до упаду.

Чем больше Сун Сюань слушал, тем больше потел, думая про себя, что императора называют такими вульгарными и непристойными словами, но он не сердится, а смеется. Его старший брат император действительно был очень терпимым. Лучше было бы сказать... хорошо скрывающим игривость...

Но несмотря на то, что непристойности летали по городу, они, на самом деле, носили откровенно одобрительный характер. Песни восхваляли прекрасную и романтическую любовь двух людей. Бесконечное сияние весны на ложе дракона, где хочется страстной переполняющей любви.

На следующий день император получил письмо с почтовым голубем. Два коротких слова были написаны мощными штрихами: "Цунцин возвращается".

Наконец-то готов вернуться и столкнуться с проблемами? Улыбаясь, размышляя над этими словами, он вспомнил события того года, произошедшие через несколько дней после первой ночи с Ли Цунцином. Чувства, которые он испытывал тогда и в этот момент, были в чем-то схожи. Он все еще ждал, ждал определенного ответа.

Лицо императора оставалось невозмутимым, но на самом деле его состояние было не таким спокойным, как у Ли Цунцина. Количество проблем и забот, которые он должен был учитывать, было больше. Напряжение, которое ему приходилось выдерживать, было сильнее. И все же он молча ждал, когда Ли Цунцин кивнет головой и скажет "да". Говорят, что плоды, сорванные силой, не будут сладкими, цветок, сорванный насильно, не будет благоухать. Он считал, что Ли Цунцин должен стать самым сладким фруктом в его жизни, самым благоухающим цветком.

Однако этот плод, этот цветок спал слишком много, спал до такой степени, что его голова переставала думать. Он фактически рассматривал их чувства и отношения как своего рода привычку, игнорируя то, что эта привычка складывалась из глубокой любви. Возможно, потому что расстояние между ними было слишком близким, он не мог ясно увидеть их сердца. Вот почему император позволил ему отойти немного дальше и ждал, когда он оглянется назад, ясно осознав свои чувства.

Император не копался в мелочах, вроде тех, кто кого больше или сильнее любит. Тем не менее, их отношения действительно имели место потому, что именно он преследовал Ли Цунцина. Если отбросить в сторону вопросы о статусе и титуле, то их отношения фактически оказались в неравном положении. Они оба стояли на двух концах палки. Конец Ли Цунцина всегда был выше.

На этот раз император остановился, позволив Ли Цунцину взять инициативу в свои руки и прийти к нему. Он больше не преследовал Ли Цунцина напрямую, так как его требование заставило того ошибочно рассматривать их чувства как то, что он должен был терпеть.

Если Ли Цунцин признает, что его чувство не меньше, чем у императора — тогда они действительно смогут оказаться на равных. Бок о бок, плечом к плечу с точки зрения равенства любви.

После этого они могли бы начать новый этап.

Фраза “живи, как часть семьи Сун, и после смерти стань духом семьи Сун” не принадлежала императору. Она возникла из золотых уст и жемчужной мудрости Великого наставника государства. В то время Ли Цунцин просто не знал, смеяться ему или плакать.

Давайте продолжим нашу историю и доведем до конца, начиная с того дня, когда император вызвал Ли Цунцина сопровождать его, чтобы отдать дань уважения предкам в храме Байху. Вся дорогу их сердца были похожи на обезьян, а разум на скачущую лошадь*, пока процессия во главе с императорской каретой не прибыла к месту назначения. Настоятель храма, Великий наставник государства, уже почтительно стоял у дверей и приветствовал их.

[П/п: *"сердце, как обезьяна, и ум, как скачущая лошадь" — испытывали беспокойство].

Храм Байху был родовым храмом императорской семьи, и войти в него мог только кто-то из ее членов. Сопровождающим чиновникам приходилось ждать снаружи. Но император приказал Ли Цунцину следовать за ним, а также привел его в пагоду для поклонения.

Пагода имела девять уровней. Три верхних уровня предназначались для поклонения Будде Татхагата. Три средних — для предков семьи. На трех нижних уровнях отдавалась дань уважения героическим мученикам Дашао. Император взял Ли Цунцина с собой, чтобы подняться по лестнице на самый высокий уровень пагоды. Великий наставник уже не мог подняться так высоко самостоятельно из-за старости, два молодых монаха помогали ему.

Ли Цунцин полагал, что ему нужно только сопровождать императора и стоять в отдалении. Или помогать с разными мелочами вроде передачи благовоний, подкладывания подушек для преклонения колен и так далее. Он никак не думал, что император действительно хочет, чтобы он встал на колени рядом с ним и вместе выполнил эту церемонию.

Хотя он растерялся, но все же послушно повиновался императорскому указу. Из рук Великого наставника он получил зажженное благовоние, вместе с императором поклонился сначала Будде Татхагата, затем предкам семьи Сун, после чего отдал дань уважения героическим мученикам Дашао. Воздавая почести Будде и предкам, он должен был встать на колени и поклониться три раза. Для героических мучеников Дашао было достаточно только благовоний.

Ли Цунцин старательно следовал за императором с верхнего уровня до нижнего. Император подносил благовония, он следовал его примеру и тоже подносил благовония. Император опускался на колени и совершал поклоны, он тоже опускался на колени и кланялся. В священном, затуманенном дымом месте все его тело пропиталось запахом благовоний.

Ли Цунцин пришел сюда, чтобы выполнить тяжелую и сложную, утомительную и долгую церемонию императорской семьи, которая отдавала дань уважения своим предкам. Вставать, опускаться на колени и совершать поклоны — все это изрядно утомило его. Однако император не проявлял ни капли нетерпения. От начала и до конца он серьезно исполнял все, не теряя ни единой нитки*. В отличие от Ли Цунцина, у которого в конце ритуала чуть не подкосились колени.

[П/п: *"не терять ни единой нитки" — строго в соответствии с правилами, не проявлять небрежность].

С большим трудом, наконец, обряд поклонения был завершен. Великий наставник улыбнулся, сказав Ли Цунцину:

— Отдав дань уважения нескольким поколениям предков Сун, в этой жизни живи как часть семьи Сун и после смерти стань духом семьи Сун.

Ай, что на самом деле произошло? Сделать так, что по неведению из семьи Ли он стал частью семьи Сун?! Если бы Ли Цунцин сейчас пил чай или ел, он бы наверняка выплюнул все наружу.

К счастью, во рту у него ничего не было, он мог только потерять дар речи от растерянности. Лицо его потемнело. Ему было трудно осознать слова Великого наставника, он не мог понять, шутит тот или говорит всерьез. Почему каждый раз, когда этот старик открывал рот, он не знал, плакать ему или смеяться.

Император слегка улыбнулся и ничего не сказал.

После этого они отправились в цветочный сад. Император держал кусачки, чтобы обрезать пион, который был посажен в топазовый горшок, он хотел, чтобы Ли Цунцин разрыхлил почву маленькой лопаткой. Это был период цветения. Цветы величественно распустились, благоухая сильным восхитительным ароматом. Два человека с душой, тщательно ухаживали за нежным пионом.

— Согласно обычаю каждый год я должен сажать новый пион. Но я мог сосредоточиться

только на этом. Даже если в будущем на нем больше не будет побегов, я все равно буду обожать его так же, — сказал император, как будто начал легкую беседу.

Ли Цунцин не знал, что ответить. Следует ли ему расточать похвалу: "Ваше Величество сентиментален и целеустремлен". Это не совсем правильно. Или, может быть, он должен льстить и петь дифирамбы: "Ваше Величество — человек, искренне любящий цветок". Это тоже не совсем уместно. Или как насчет: "Этот цветок воистину наработал бесчисленное количество хорошей кармы, чтобы Ваше Величество чрезвычайно благоволили к нему..." Эта фраза, казалось, вызывала еще больше проблем. Он взвешивал все снова и снова. Не важно: что бы он ни сказал — это будет странно. Можно просто ничего не говорить. Молчание — золото!

— Ли Цунцин, что думаешь? — внезапно спросил император.

Что-что? Не мог понять Ли Цунцин.

Император отложил кусачки, забрал лопатку из рук Ли Цунцина, потянул его за кисти и вымыл их в тазу, который стоял рядом.

Ли Цунцин потрясенно позволил императору смыть землю с рук. Его сердце колотилось от волнения все время: тудум-тудум-тудум...

Когда император взял его чистую руку и поднес к губам, поцеловав мокрые кончики пальцев и ладонь, лицо Ли Цунцина разгорелось. Он не мог отнять руку и не отнять тоже не мог. Его сердце колотилось так бешено, что едва не выскочило из груди.

— Я всегда обращаю на тебя внимание.

Ли Цунцин ошеломленно заморгал. Через некоторое время он, наконец, смог отреагировать. В душе он не согласился. Несомненно, в эти дни к нему проявляли безразличие. "Я подозреваю, что меня соблазнили, а потом бросили".

Су Ю увидел, что Ли Цунцин не может скрыть своего несогласия. Даже губы его слегка приоткрылись. Было очень легко догадаться, о чем тот думал. Вероятно, он не совсем противился, во всяком случае он хоть немного принимал это близко к сердцу. При этой мысли император почувствовал себя чрезвычайно воодушевленным. Схватив его за руку, он сказал:

— Ли Цунцин, скажи, что я должен сделать, чтобы получить тебя?

Ли Цунцин размышлял и взвешивал, обдумывая все снова и снова. Он всегда хотел, чтобы в будущем его дни были спокойными и размеренными. Но император, казалось, был полон решимости победить. Просто скажет, что сейчас он отпустит его, а в следующий раз, скорее всего, Ли Цунцин больше не сможет убежать.

Вздых. Если монарх хотел, чтобы его подданный умер, то подданный никак не мог не умереть. Не говоря уже о том, что если император хочет получить ягодицы своего подданного, как тот может не снять штаны? Ли Цунцин, хотя и не был гением, но все же имел четкое представление о вещах.

Если откровенно заглянуть внутрь себя, то на самом деле он не сильно отказывался быть вместе с императором. Кроме того, притворяться, катаясь на драконьей кровати, что он готов умереть, защищая свое целомудрие, было бы слишком наигранно.

Он поразмыслил некоторое время, и его замешательство улеглось, сомнения в душе постепенно испарились.

В конце концов, от того, от чего он не может убежать, он никогда не убежит. Подумать только, если он не исполнит желание императора, император тоже не захочет сдаваться. В грядущие дни вытащит сюда, потащит туда — и невозможно разгадать. Кто знает, это даже может привести к бессмысленным страданиям. В конце концов, он все равно будет съеден императором, и даже костей не останется. Это то же, что впустую потратить энергию и только навлечь на себя беду.

Ли Цунцин представил все эти мелодраматические сцены, напоминающие сюжет романа и почувствовал себя таким уставшим. Он не такой же, как те добродетельные жены, которые умрут, защищая свою честь, поэтому... Так же, как старый монах, который звонит в колокол день за днем: он просто примирится с создавшимся положением.

Ли Цунцин перестал сопротивляться изо всех сил, отказался от не такой уж и нужной борьбы и, идя на компромисс, заикаясь и запинаясь ответил:

— Все зависит от решения Вашего Величества.

— Ты хорошо все обдумал?

Даже если он будет думать, пока не повредит мозг, он все равно не сможет мыслить ясно. Ли Цунцин подумал и снова сказал:

— У скромного подчиненного есть только одна просьба.

— Какая?

— Не хочу, чтобы это было достоянием общественности.

Этот человек из тех, кто боится неприятностей — как мог император не понять такого рода просьбу. Он согласился:

— Я обещаю.

— Благодарю Вас, Ваше Величество.

— Есть что-нибудь еще?

— Дайте подумать, — Ли Цунцин опустил голову, чтобы поразмыслить. Он всегда чувствовал, что с ним обошлись несправедливо, он должен потребовать что-то, чтобы восстановить справедливость. Он не стремился к славе и величию. Материальных благ и богатства ему хватает. Он действительно не мог придумать, что бы такое попросить. Ему удалось с усилием выдать одну вещь:

— Позвольте мне остаться на своей должности помощника министра обрядов.

Император изначально предполагал повесить его в должности, но, услышав сказанное, он не смог сдержаться и расхохотался. Он нетерпеливо притянул его к своей груди.

— Ли Цунцин, ты действительно странный человек.

— Верно, есть еще кое-что.

— Эм?

— Кхм... я боюсь боли, поэтому, кхм-кхм... делая это, ты не должен причинять мне боль, — сказал Ли Цунцин, и его щеки слегка покраснели.

— Это само собой разумеется. Той ночью я причинил тебе боль?

— Терпимо, — его лицо стало еще краснее. Он снова сказал: — Также мы не можем делать это днем.

Просто сказал, что согласен быть в близких отношениях с императором, а чувство стыда от этого все равно осталось.

— Предки четко постановили запретить монарху предаваться блуду в дневное время.

Хороший император должен соблюдать и защищать законы предков. Даже если он горел желанием, ему все равно пришлось бы сдерживать себя.

— Уф, тогда все будет хорошо. Также, если я засну во время утреннего заседания, не обращай особого внимания на мои маленькие проступки.

— Когда это я поднимал шум из-за твоих маленьких проступков?

Ли Цунцин распространял свои просьбы одну за другой. Сегодня он был фаворитом. Просто дай ему палец — он всю руку откусит. Хотя все его просьбы были не чем иным, как куриными перьями и чесночной шелухой*.

[П/п: *"куриные перья и чесночная шелуха" — очень незначительное дело].

Император смеялся так, будто должен был исполнить все, о чем бы тот ни попросил — это даже эффективнее, чем просить Тудигуна*. Его глаза невольно наполнились любовью, и в конце концов он не выдержал и заглушил этот голос своим ртом. Неужели он не видел, что Ли Цунцин пытается тянуть время?

[П/п: *Тудигун или Тудишэн — Бог почвы и земли].

Вздых. Император фактически напал на него.

Ли Цунцин в тайне почувствовал себя счастливым. Он послушно открыл рот, чтобы язык императора проник и переплелся с его языком. А потом он закрыл глаза, чтобы насладиться сладостью страстного поцелуя.

Сдерживаемое в течение многих дней желание императора мгновенно вспыхнуло ярким пламенем. Но это было не то время и не то место, ему ничего не оставалось, как мучительно сдержать свое вожделение. Он прошептал на ухо Ли Цунцину хриплым голосом:

— Ты должен хорошо подготовиться. Сегодня одного раза будет недостаточно.

Внезапно все лицо Ли Цунцина запылало. В то время он был все еще чрезвычайно чувствителен: у него отсутствовало сопротивление по отношению к соблазнительному нападению императора. Достаточно было немного подразнить, и он краснел от смущения — мило до крайности.

Император умирал от желания стать плохим императором. Неважно, что трижды семь — двадцать один*, он может толкнуть его вниз здесь и сейчас. Кому какое дело до этого мучительного закона предков! У него никогда, с самого рождения, не было такой возмутительной идеи. Это исключительно из-за Ли Цунцина и только для Ли Цунцина.

[П/п: *трижды семь — двадцать один — универсальная истина].

Однако в конце концов он с трудом сдержался. Ему только хотелось, чтобы солнце скорее направилось на запад и опустилось за гору, после чего они могли бы рука об руку отправиться в свой высший рай.

Определенно, сегодня будет прекрасная весна, окрашенная бесконечно страстной ночью.

Сун Ю пережил один день, его тело и душа с нетерпением ждали ночи.

Ли Цунцин в течение дня нервничал, он все еще не привык к тому, что может быть придавлен телом другого мужчины.

Думая об этом, он не мог не испугаться, сожалея, что дал обещание императору. Хотя ранняя смерть или поздняя — это все равно смерть, но он все равно должен отложить ее на более поздний срок. Внезапно у него появилась мысль о бегстве. Вечером, когда он, наконец, набрался смелости сбежать, Вей Сяомяо пришел, чтобы забрать его.

Когда он прибыл в Тинся, Сун Ю уже ждал его.

— Пойдем, поужинаем вместе, — Сун Ю взял его за руку, отвел к столу и сел рядом.

— Благодарю, Ваше Величество.

— Ешь больше, — Сун Ю усердно подавал ему суп. — У тебя будут силы, чтобы стать счастливым со мной через некоторое время.

— Ну... кхе-кхе-кхе... — Ли Цунцин закашлялся, на глазах выступили слезы. Ваше Величество, великий и мудрый император, как вы можете произносить настолько откровенные слова.

Сун Ю похлопал его по спине и протянул ему вино, которое налил Вей Сяомяо.

— Выпей немного.

Ли Цунцин взял чашу и выпил, сладкое вино облегчило боль в груди.

— Еще одна чаша.

— Благодарю, Ваше Величество.

После трех чаш крепкого вина алкоголь начал действовать: Ли Цунцин неосознанно расслабил свое тело и разум, его щеки покраснелись, его вишневые губы стали ярче, а глаза наполовину прикрылись. В уголке рта притаилась ленивая улыбка, словно приглашающая поцеловать его.

Казалось бы, обычный человек внезапно стал красивым и трогательным.

Увидев, что его внешность стала совершенно иной, чем обычно, Сун Ю был настолько взволнован, что хотел толкнуть его на стол и предаться сладостным утехам — впервые в жизни у него был такой мощный страстный импульс, но он все еще сдерживал себя.

Деликатесы следует есть медленно, а вина следует тщательно дегустировать. Сун Ю тушил горящий огонь в нижней части живота, терпеливо и постепенно стараясь расслабить напряженное тело и разум Ли Цунцина, чтобы потом съесть его.

— Ли Цунцин, я схожу с ума по тебе, — хрипло прошептал Сун Ю, его руки коснулись тела Ли Цунцина, в нем разгорались искры страсти. — Это безумие быть с тобой?

— Хм, — всплеск удовольствия заставил Ли Цунцина тихо застонать в ответ. Нетерпение, алкоголь и незнакомое чувство страсти сломили его волю. — Тогда пожалуйста.

Нежная улыбка Сун Ю превратилась в усмешку демона, и он начал осуществлять то, о чем заявил в цветочном павильоне храма Байху. Он делал это не раз, меняя позы одну за другой.

— Ах... нет... не нужно больше...

— Я хочу... Я хочу...

— Хм... ах... а-а-а-а...

— Твои стоны такие сладостные. Они такие громкие, что я хочу съесть тебя целиком.

— Больше не могу... хватит... больше не могу...

— О, не плачь, потерпи меня некоторое время... о, просто отлично.... просто отлично....

— У-уу... ты уже говорил это несколько раз... ах... не... там... ах, ах....

Бедного Ли Цунцина переворачивали и бросали целую ночь до тех пор пока он не смог больше выносить этого и не начал умолять о пощаде — лишь тогда император удовлетворенно отпустил его, крепко обнял и уснул.

Та ночь была замечательной звездной ночью.

Они обнимали друг друга, вместе проваливаясь в сладостную страну грез.

Засыпая, император протянул руку Ли Цунцину и сказал:

— Как насчет того, чтобы идти вместе?

— Да, — Ли Цунцин соединил свою руку с рукой императора.

Они шли рука об руку, плечом к плечу. Вместе они шли по длинной-длинной дороге, по бесконечному пути — и все же им было чрезвычайно легко идти по нему.

Может быть, они дойдут до края земли, может быть, они дойдут до конца времен. Они шли вместе, никто не отпускал руку другого — они просто шли и шли, шли и шли...

Таким образом, император Дашао и помощник министра Министерства обрядов естественным и честным образом были вместе.

Без особых усилий и борьбы, никого не беспокоя. С одной стороны, Вэй Сяомяо умел хранить семейные секреты. С другой стороны, никто не подозревал, что высокий и красивый император вообще посмотрит на посредственного Ли Цунцина. Более того, император никогда раньше не призывал к себе мужчин. Из-за этого только очень немногие близкие люди знали об этом.

Прошел год, прошел другой. В мгновение ока они были вместе уже шесть лет. Хотя они не могли открыто с честью прилипнуть друг к другу, как клей, но с каждым днем все более глубокие чувства делали их неспособными отделиться друг от друга.

Вплоть до этого года, когда император отослал Ли Цунцина патрулировать Чунань и Эрхе. Они разлучились не менее чем на полгода, когда он ступил на дорогу, чтобы вернуться в столицу, его любовное чувство могло разрушить небеса.

"Когда цветы на дороге расцветут, можешь спокойно вернуться", — король У Юэ передал это письменное послание леди Ван, которая отправилась в свой родной город навестить родителей. Казалось, что он не торопит леди Ван возвратиться в столицу, но эти короткие слова и их выразительность действительно показали ей страстную привязанность, ожидание, что она вернется пораньше.

Небольшая потайная, боковая дверь в Императорский дворец была расположена в самом укромном месте, узкий проход соединял ее с внешней дорогой. Ходили слухи, что некий император устроил это ради тайной встречи со своей возлюбленной, которая жила за пределами дворца. Обычно никто не использовал ее для входа или выхода из дворца, она была уже наполовину заброшена, и только два охранника охраняли дверь. Эта боковая дверь, выполняющая неоднозначную функцию, сегодня была открыта. Кроме обычных двух стражников здесь присутствовали еще два дворцовых слуги.

— Мы ждали три месяца, господин, почему он еще не вернулся? — молодой евнух не мог

сдержанность скуки и шепотом жаловался.

— Не говори слишком много. Встань как следует, — сделал ему выговор другой евнух постарше.

Младший евнух послушно встал ровно. Вскоре после этого он не выдержал и снова спросил:

— Чжан гунгун*, что нам делать, если этот господин не вернется?”

[П/п: *гунгун — в данном случае, это титул евнуха во дворце].

— Даже если нам придется ждать до смерти, мы все равно должны ждать.

— Не будет ли намного быстрее издать императорский указ, призвав его вернуться?

— Как младший слуга, ты слишком много болтаешь, следи за языком, — предостерег его старший евнух.

Молодой евнух так испугался гнева, что от страха плотно закрыл рот и непрерывно в ожидании вытягивал шею, глядя в сторону конца дороги. День за днем они могли только ждать в предвкушении, пока закат не окрасит горизонт в красный цвет. Они думали, что им придется ждать еще один день. Вопреки ожиданиям, где-то вдалеке поднялся столб пыли.

Молодой евнух широко открыл глаза, чтобы лучше разглядеть, и взволнованно закричал:

— Чжан гунгун, смотрите, кто-то едет сюда.

Очень скоро появился человек верхом на лошади — это был один из телохранителей, который сопровождал Ли Цунцина при осмотре.

— Господин Ли возвращается, повозка прибудет примерно через два часа.

— Быстро иди в императорский кабинет и доложи, — приказал младшему евнуху старший.

— Да! — молодой евнух радостно бросился докладывать.

Примерно через два часа повозка действительно примчалась галопом. Когда она остановилась перед дверью, старший евнух подошел, чтобы встретить. Однако человек, сидевший внутри повозки, не сделал попытки выйти.

— Господин, мы прибыли, — возница, весь покрытый грязью, повернулся лицом к человеку внутри повозки и позвал его.

— М-м,— спустя довольно продолжительное время низкий вздох донесся оттуда. Ли Цунцин, наконец, поднял занавес повозки.

— Вы прошли через такие трудности на своем пути, господин, — старший евнух в почтительной манере поддержал его, пока он спускался.

— Где Его Величество? — спросил Ли Цунцин.

— В императорском кабинете.

Ли Цунцин посмотрел на покрытую красным лаком дворцовую дверь. В его сердце были смешанные чувства. Раньше, когда у него были тайные встречи с императором, он уходил через эту дверь. Она действительно выполняла свою функцию, о которой говорила молва. Всю дорогу его раздражало ожидание, и он хотел скорее вернуться. Когда же пришло время, он колебался. Он очень скучал и желал увидеться с императором, но также не знал, как посмотреть ему в глаза. Это было похоже на чувство тревоги перед приближением к родному дому после долгого отсутствия.

Он понимал, что на этот раз, как только он ступит за эту дверь, его должность и его неблагоприятное положение резко изменятся. Возможно, на этот раз он не сможет отказаться, и ему придется стать шанцзюнем.

Размышляя, он уже сделал шаг, чтобы переступить высокий порог. Идя по знакомому извилистому, узкому пути, с каждым шагом он глубоко задумывался и колебался. Он размышлял о личных выгодах и потерях. В конце концов, он прибыл к императорскому кабинету. Он сомневался и не двигался вперед, медлил и колебался.

— Ваше Величество, нужно ли пригласить господина Ли войти? — спросил Хуэй гунгун — замена Вэй Сяомяо.

— Нет необходимости, — мягко ответил император. Даже если он знал о приходе Ли Цунцина заранее, он не вышел к нему навстречу. Он продолжил читать и исправлять официальные документы, ожидая, когда Ли Цунцин сделает свой ход и войдет.

Прошло некоторое время, а Ли Цунцин все еще не вошел.

— Ваше Величество, боюсь, что господин Ли устанет, — тихо сказал Хуэй гунгун. Служа лично императору, каждый будет знать, что помощник министра обрядов — самое драгоценное сокровище господина, его сердце, голова и плоть*.

[П/п: *"сердце, голова и плоть" — очень любимый человек].

— Передвиньте длинную скамью, чтобы он сел. Также принесите выпечку, закуски и чай, — приказал он.

— Да.

Несколько дворцовых служителей подняли стул и передвинули его, принесли чай и закуски, показав Ли Цунцину, что это император, который старательно и вдумчиво ухаживал за ним, предоставил специально для него.

Ли Цунцин действительно хотел рассмеяться, но также он и растрогался. Император всегда боялся, что он устанет, боялся, что ему захочется пить, что он проголодается — он заботился о нем всеми возможными способами. Император поистине считал его нежным цветком, который нужно оберегать.

Зачем колебаться?

Ли Цунцин искал его больше всех среди множества людей — внезапно, когда он обернулся, этот человек был там, в тусклом свете фонаря.

Такого идеального любовника, которого не найти даже с фонарем* — где отыщешь? Если не удержать его крепко должным образом, то можно посчитать это пожизненным несчастьем, порожденным глупостью. Ли Цунцин вошел в императорский кабинет. У него больше не было никаких сомнений. Он направился прямо к своему возлюбленному императору.

[П/п: *"не найти даже с фонарем" — что-то очень редкое, что трудно найти].

— Ты вернулся, — лицо и отношение Сун Ю были теплыми и спокойными, как в прошлом — не слишком взволнованными, не слишком нетерпеливыми, — как будто эти два человека были разлучены всего на несколько дней, как будто Ли Цунцин не оставлял его так надолго, не был так далеко.

С другой стороны, Ли Цунцин не разволновался, как раньше. Впервые он выступил с инициативой подойти поближе и сел на колени Сун Ю.

— М-м. Я дома, — Ли Цунцин обнял его за шею, уткнувшись лицом в широкую и твердую грудь. Жадно прижимаясь к теплому телу и вдыхая аромат, сдавленным голосом сказал: — Погода холодная. У меня болит плечо.

Сун Ю ничего не ответил. Оставив официальные документы, он начал массировать его плечо.

— Талия тоже болит.

Он помассировал талию.

— Ноги тоже болят.

Помассировал ноги.

— Все мое тело болит.

Сун Ю понимающе рассмеялся. Они были вместе так долго, как он мог не понять его капризов и игривости. В те дни, когда они были разлучены, все его тело с головы до ног чувствовало дискомфорт.

— Ты, ах, я предположил, что ты не вернешься и собирался лично поехать и вернуть тебя домой, — с любовью ущипнул его за нос.

— Ты бы не стал этого делать, — Ли Цунцин, сморщив нос, недоверчиво возразил.

— Я сказал, что настанет день, когда мое терпение неизбежно иссякнет.

— Поэтому ты намеренно позволил другим узнать, что хорошо ко мне относишься. Ты нарочно хотел, чтобы я уехал из столицы, намеренно игнорировал сплетни, которые поднимались со всех сторон, не так ли? — не в силах скрыть кривую усмешку он пробормотал себе под нос

— Ты слишком много думаешь.

— Уже семь лет... — Ли Цунцин слегка прищурился, вспышка сомнения мелькнула в его глазах. — В этом году будет семь лет, как мы вместе. Тебе захотелось рассказать об этом семилетнем романе, так что ты все подстроил, не так ли?

— Куда же подевался твой разум? — рассмеялся Сун Ю.

— Забудь об этом. Во всяком случае, до этого дошло. Если хочешь, чтобы наши отношения стали известны, просто сделай их такими.

— Не боишься неприятностей?

— Ты сможешь предотвратить беду, не так ли?

— Хочешь стать шанцзюнем?

— Не хочу, — он был решительным в своем упрямстве. — Сделать наши отношения известными — не значит, что я хочу становиться шанцзюнем.

— Но мать-императрица хотела, чтобы я дал тебе должность, — сделал обеспокоенное лицо Сун Ю.

— Мне нужна лишь должность помощника министра обрядов, этого будет достаточно, — поскольку он был упрям, он, конечно, останется упрямым. — Даже если ты забьешь меня до смерти, я все равно не хочу становиться шанцзюнем.

— Как я могу забить тебя до смерти? Я все еще хочу, чтобы ты сопровождал меня всю жизнь через все трудности и лишения. Цунцин, есть множество вещей, с которыми нам придется столкнуться.

Ли Цунцин, конечно, понимал. Страна, народ, гарем, наследник... есть много проблем, которые не могли быть легко разрешены просто в результате любви и доверия двух людей. Императору требовалось больше гибкости и мудрости, а ему больше решительности и мужества, чтобы столкнувшись лицом к лицу с трудностями, они могли вместе их преодолевать.

Однако о завтрашних бедах стоит беспокоиться завтра!

— ...Я... я так скучал по тебе, — признался в своих истинных чувствах Ли Цунцин.

Разве Сун Ю не скучал по нему? Небеса знают, как он скучал по паре весенних, цветущих губ, скучал по полуоткрытым глазам, скучал по его вялой и сонной фигуре, по его теплому, узкому и нежному телу... Небеса! Как сильно он жаждал войти в его плоть, чтобы осушать подавленное на долгое время желание столько, сколько захочется.

Но он все еще мог сдержаться с удивительным самообладанием. Обхватив лицо Ли Цунцина обеими руками, он пристально посмотрел на него и с улыбкой сказал:

— Очень редко, когда ты по собственной инициативе говоришь, что скучаешь. Эти несколько тоскливых дней можно считать не напрасными.

— Как глупо, хо-а-а-ах-х, эти несколько дней я всегда был в движении в несущейся повозке. Как утомительно, я хочу спать, — мгновенно, не проявляя никакого интереса, он громко зевнул и скользнул вниз.

— Будь хорошим, иди и хорошо отдохни, — нежно прошептал Сун Ю, погладив его усталое лицо.

Ли Цунцин поцеловал своего возлюбленного в губы и по собственной воле улегся спать на диване в императорском кабинете. Он также схватил висящую рядом с императором желтую мантию, чтобы прикрыть ею свое тело, положил голову и заснул. Вскоре после этого он начал храпеть. Непрерывная беготня действительно вымотала его. Кому какое дело до того, что его видели спящим под желтой мантией императора.

Когда он проснется, наступит уже совершенно новый прекрасный день. Даже если небосвод начнет падать, рядом будет император — высшее существо под небесами — чтобы помочь ему поддержать небо. А он будет, как и прежде, свободен от беспокойства и продолжит свою работу в качестве помощника министра в Министерстве обрядов. Это прекрасно!

От всего сердца отплатить за оказанное доверие — это величайшая любовь, которую он мог дать императору.

Уважаемые читатели, вы говорите, что это несправедливо? Один готов ударить — другой готов терпеть. Все такие: нет такого понятия, как справедливость или несправедливость. Если в этот момент вовлеченные люди чувствуют себя счастливыми и радостными, то этого достаточно. Нам, ничтожным прохожим, не нужно вмешиваться.

Император с радостью готов взвалить на свои плечи небосвод помощника министра обрядов.

Чистое осеннее небо, воздух бодрит. В один мирный и спокойный день, когда несколько высокопоставленных министров пришли обсудить дела с императором в императорском кабинете, у них мгновенно возникла иллюзия, будто они перенеслись в прошлое, в тот день полгода назад.

Император серьезно читал официальные документы. Помощник министра из Министерства обрядов мирно спал.

Казалось, невидимая неосязаемая нить связывала двух людей.

Высокопоставленные чиновники, наконец, прекратили свои подозрения и сменили их ясным пониманием в своих сердцах. Некоторые люди нахмурились. Некоторые улыбнулись. Но не было никого, кто был несогласен и критиковал.

Что касается незаконных, кх-м... романтических отношений императора и помощника министра обрядов: если они не наносят ущерба стране и не причиняют страданий народу, чтобы вызывать огромное негодование людей и богов — разве очевидцам было, что сказать?

Мирная и процветающая эпоха, хорошая погода для урожая, страна благоденствует и народ пребывает в мире.

— Поначалу я думал, что дворец поднимет такой переполох, что даже кур и собак не оставят без присмотра*, а людей и лошадей сбросят с ног**, — спустя долгое время Ли Цунцин неожиданно поднял этот вопрос, как будто был немного разочарован.

[П/п: *"даже куры и собаки не остаются нетронутыми" — большое волнение, большая суматоха.

**"Люди и лошади сброшены с ног" — сбиты с толку].

— Ты этого хотел? — спросил Сун Ю, — Если хочешь, чтобы даже куры и собаки были потревожены, люди и лошади сброшены с ног, тогда я предоставлю это.

— Нет, я просто случайно сказал это.

— Я также случайно ответил.

— Ай-ай, внушительный император Дечжи уловил мой тон.

— Потому что я пью жидкость твоего рта каждый день.

— Ваше Величество император, пожалуйста, не используйте это серьезное лицо, чтобы говорить о непристойных вещах. = _ =

— Я могу. Поцелуй меня, а я использую непристойное лицо, чтобы говорить о серьезных вещах для тебя. ^ _ ^

...(это не император... это не император...) =□=

... (Как забавно, как ты можешь быть таким милым.) ^ _ ^

... (Третий брат, ты забываешь, что твой младший брат все еще здесь... — почти тошнит) □gz

...(Второй брат, я продвинул твои ягодицы великому и могучему, мудрому и блестящему Его Величеству императору — безусловно, это самая правильная и мощная инвестиция в этой жизни, ха-ха-ха!) \$ ▽ \$

<http://bllate.org/book/15018/1327370>